

И.Ю. Шкицкая

ФЕНОМЕН ИРОНИИ И ЕЕ ФУНКЦИИ В МАНИПУЛЯТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Осуществлен обзор научных подходов к анализу феномена иронии, сгруппированы основные ее функции, сформулированы языковедами. Выделены функции иронических высказываний – реакций на манипулятивную тактику повышения значимости собеседника. Показана обусловленность иронической вербальной реакции объекта манипуляции экстралингвистическими факторами, в частности отношениями между коммуникантами, семантикой положительнооценочной манипулемы, а также способностью объекта манипулирования определять интенции манипулятора.

Ключевые слова: ирония; манипулятивный дискурс; манипулятивная тактика повышения значимости собеседника; функции иронии; реактивное ироническое высказывание; положительнооценочная манипулема.

В современных лингвистических исследованиях доминируют антропоцентрический и функциональный подходы к изучению языка, средства которого рассматривают с позиций реализации их прагматического потенциала и национальной самобытности. С учетом экстралингвистических факторов и семантики контекста лингвисты рассматривают оттенки значения различных языковых единиц и их вербальную репрезентацию в условиях конкретных коммуникативных актов. Одним из феноменов, длительное время привлекающих внимание ученых в разных областях науки, является ирония. Так, ее как полифункциональное явление изучают филологи, философы, психологи, специалисты по эстетике и семиотике. И хотя среди исследователей иронии доминируют литературоведы, количество научных работ, объектом анализа в которых является вербальное проявление иронии, существенно возросло. В целом это обусловлено повышенным интересом языковедов к изучению различных аспектов коммуникации и средств экспрессивности текста сквозь призму функционирования языка как инструмента и средства воздействия.

Для освещения иронии используются эстетический и лингвистический подходы. Ученые сходятся во мнении, что только с позиций лингвистики иронию анализировать нельзя. Ирония является довольно сложным объектом научных исследований. Во-первых, поскольку в языке не существует четко закрепленных средств выражения иронического смысла – словарное пространство иронии неограниченно [1. С. 435], ироническая интенция говорящего может скрываться за различными уровнями языка [2; 3. С. 40]. Во-вторых, в силу конситуативной / контекстуальной обусловленности безошибочная интерпретация выражения как иронического возможно лишь с учетом контекста: «Ни одна из существующих теорий иронии не может полностью отличить ироническое произнесение от неиронического» [4. Р. 172]. Для безошибочной интерпретации иронии требуется знание реалий разных сфер жизни, например истории и культуры народа. В-третьих, механизм создания иронии является трудным для понимания и описания, ведь ирония не поддается унификации: это – проявление творчества и самобытности личности.

Исходя из сказанного, антропологический подход, который позволяет правильно интерпретировать иронический подтекст и исследовать реакцию на ирони-

ческие высказывания, должен дополняться функциональным подходом, дающим возможность учитывать контекстуальную обусловленность раскрытия иронического смысла, а также взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов.

Интересным, на наш взгляд, является определение места иронии и ее функций в манипулятивном дискурсе, в частности исследование репрезентации ее проявлений в межгендерной манипулятивно направленной коммуникации. Среди представленных в разных культурах манипулятивных коммуникативных стратегий выделяется манипулятивная стратегия позитива. Она направлена на изменение поведения, а также ментального и эмоционально-психического состояния собеседника путем сообщения ему приятной информации в виде положительной оценки или выражения доброжелательного отношения, а также информации, положительно характеризующей говорящего или содержащей указание на общее между коммуникантами [15. С. 385]. Эту стратегию представляют три коммуникативные тактики: тактика повышения значимости собеседника, тактика положительного самопозиционирования и тактика солидаризации.

Целью нашей статьи являются обобщение взглядов лингвистов на феномен иронии и выяснение ее функций при реализации тактики повышения значимости собеседника. Актуальность работы обусловлена недостаточным количеством научных исследований, в которых выясняются особенности реализации прагматического потенциала иронии в разных типах дискурса, в частности в манипулятивном дискурсе. Цель исследования определяет его задания: 1) обобщить взгляды языковедов на иронию, определить ее основные признаки в свете традиционных и современных научных исследований; 2) описать условия передачи иронического смысла в ситуациях манипулирования позитивом; 3) определить тематику манипулятивно маркированных ситуаций, в которых имеет место ирония; 4) выяснить функции иронии в манипулятивном дискурсе позитива.

Материалом исследования послужила авторская картотека, насчитывающая более 5 000 фрагментов текстов с высказываниями, которые содержат коммуникативные события – факты манипулятивного воздействия, созданная методом сплошной выборки из художественных текстов украинской литературы

конца XIX–XXI вв. Поскольку диалоговые формы отличаются высоким прагматическим потенциалом и манипулятивная стратегия позитива ярко реализуется в диалогических видах коммуникации, при формировании выборки, охватывающей литературу разных временных отрезков и различной тематики, предпочтение отдавалось текстам прозаических и драматических произведений с ярко выраженной диалогичностью. Наибольшее количество примеров манипулятивного воздействия было выбрано из исторических романов, детективов, приключенческих повестей, а также произведений других жанров, в которых реалистично изображены деловые и неформальные отношения между людьми. К анализу были привлечены также записи устной речи. Ирония как реакция на положительнооценочные манипулемы исследована в условиях официального и неофициального устного общения с дифференциацией степеней знакомства коммуникантов, их возраста, пола, статуса, социальных ролей и типа отношений между ними.

Картотеку образуют текстовые фрагменты, в которых зафиксированы ситуации воздействия говорящего на поведение, эмоциональное или ментальное состояние собеседника (обычно в интересах говорящего). Это преимущественно диалогические единства, в которых адресант прямо или косвенно положительно оценивает адресата или демонстрирует доброжелательное отношение к нему. Распознавание коммуникативной цели было осуществлено с учетом прагматических особенностей высказываний и контекста.

Основными методами, применяемыми в работе, являются описательный и классификационный, методы лингвистического, структурного, конверсионного и количественного анализа, а также метод прагматической интерпретации и дискурс-анализ.

Анализ научных исследований, посвященных феномену иронии, позволяет сделать вывод о том, что ее определяют как:

– *разновидность субъективной модальности*, которая передает критическую оценку ситуации действительности / себя; особый тип эмоционального / критического отношения к действительности (например, С.И. Походня);

– *ментальное и лингвокультурное образование* (Е.А. Бргоханова, В.П. Белянин, О.Я. Палкевич и др.);

– *способ мышления и мировосприятия* (М.В. Ломоносов, А.В. Сергиенко, Л.И. Кадаша, И.Н. Иванова, С.И. Походня);

– *способ выявления мировоззренческой позиции автора художественного произведения* (например, С.И. Glicksberg, Е.А. Баллаева);

– *эстетический феномен, эстетический компонент мышления, эстетическая установка*, определяющая возвышение субъекта над действительностью (О.П. Ермакова, А.В. Сергиенко, Ю.В. Каменская, Ж.Е. Фомичева, А.И. Конопенко, С.И. Походня и др.);

– *художественный троп* (например, Л.Ф. Алексеева);

– *риторический / стилистический и композиционный прием*, служащий украшению и выразительности речи, суть которого заключается в называ-

нии вещей не своими именами (М.В. Ломоносов, Л.М. Болдырева, И.В. Арнольд, Н.К. Салихова, И.Р. Гальперин, Л.В. Чернец, В.Е. Жаров и др.);

– *часть парадигмы комического*, в частности промежуточное явление между юмором и сатирой (J. Weisgerber, Л.М. Болдырева, Т.Ю. Чубарян, V. Raskin, К.А. Воробьева, Г.Н. Чугунекова, О.Г. Петрова и др.);

– *текстовая категория* (например, Ж.Е. Фомичева);

– *тип многозначности и непрямоеговорения, разновидности импликации* (А.В. Сергиенко, В.С. Демьянков и др.);

– *языковое явление, представленное единицами разных языковых уровней* (Н.А. Николина, С.И. Походня, Л.В. Бреева, Б.Е. Монастырев, А.И. Усманова и др.);

– *средство реализации речевой установки, речевая стратегия* (И.М. Вайвакова, Ф.С. Бацевич и др.);

– *тип вербального поведения в социуме* (например, К.А. Воробьева, К.М. Шилихина);

– *средство речевого воздействия* (Г.Л. Прокофьев, Б.А. Гомлешко, A. Partington и др.).

В современной лингвистике иронии рассматривают в основном в двух аспектах: как стилистическую фигуру и как явление, возникающее во время коммуникативного акта (см, например: [5. С. 7; 6]). И в лингвистических, и в литературоведческих исследованиях российских и украинских ученых доминирует взгляд на иронию как на художественный троп. Ирония больше изучена в структуре художественного текста, но есть научные работы, в которых отражены особенности реализации иронии в публицистике (Т.Ю. Чубарян, Э.В. Чепкина, П.Е. Печеникина, С.Л. Васильева, М.Е. Лазарева, Pirkko Nuolijärvi, Liisa Tiittula, A.A. Арестов, И.А. Кобякова и др.).

Разделяя мнение об иронии как языковом явлении, выраженном единицами разных уровней, лингвисты останавливаются в основном на лексико-семантических и грамматических особенностях контекстной иронии. Значительно меньше научных трудов, посвященных изучению иронии в целостном тексте. В научном наследии исследователей восточнославянских языков находим немало работ, в которых представлен взгляд на иронию как вид комического, где она противопоставляется юмору и сатире (например, Г.И. Приходько, О.Г. Петрова, К.А. Воробьева, Г.Н. Чугунекова, С. Демьянова). Юмору часто приписывается меньшая регулятивная функция по сравнению с иронией и меньшая интенциональность. В отличие от сатиры, ирония имеет больший прагматический эффект, передает более широкую гамму чувств, является гибкой и некатегоричной, менее агрессивной, более интеллектуальной и аполитичной [7].

Хотя лингвисты сходятся во мнении, что функция иронии не ограничивается созданием комического эффекта, иронии часто ассоциируют с высмеиванием: за внешне положительной оценкой скрывается насмешка. Например, С.И. Походня считает иронию уникальной возможностью реализации скрытой субъективно-оценочной модальности негативного характера [8. С. 9], но не каждое ироническое высказывание содержит насмешку [9. С. 38], к тому же предмет

иронического высмеивания может быть положительным. В основе феномена иронии лежат полисемия языковых единиц и их экспрессивность – способность передавать широкий спектр оценочных отношений субъекта речи. Признаками иронии являются также иронический смысл, имплицитность, контрастность, многоплановость, многомерность и лаконичность формы.

Большинство исследователей считают необходимым компонентом иронии негативную оценочность: ироническое высказывание содержит положительную и негативную составляющие, противоречащие друг другу. Чем сильнее контраст между ними, тем ярче проявляется иронический смысл. Однако, по нашему мнению, противоречия между эксплицитным и имплицитным значениями высказывания – не обязательное условие возникновения иронического смысла.

Будучи инсценированным речевым актом [10. С. 12–13], ирония обладает модальностью, направленной на адекватное понимание адресатом. Но адекватность интерпретации возможна лишь в контексте – на уровне высказывания или текста. В условиях формального и неформального общения для понимания иронии значимыми являются тип отношений между коммуникантами, их фоновые знания, особенности ситуации общения, его прагматическая цель, а также статусные, гендерные и возрастные особенности коммуникантов.

Ирония характеризуется полифункциональностью и большим прагматическим потенциалом. Языковеды как основные ее функции рассматривают следующие:

- скрытое выражение негативного отношения к коммуникативному партнеру или к явлениям окружающей действительности в виде насмешки, пренебрежения, враждебности;
- убеждение и коррекция поведения собеседника (например, успокоение и нейтрализация агрессии);
- выявление неискренности [11. С. 35];
- описательная и характеризующая функции;
- возвышение над собеседником;
- выражение эмоционального отношения к собеседнику;
- демонстрация реального положения вещей;
- оптимизация межличностных отношений, в частности соблюдение принципа вежливости (см., например: [12. С. 11; 13]);
- мотивация действий коммуникантов [12. С. 12];
- уклонение от прямого ответа [14. С. 86].

Ирония является одним из способов реагирования на манипулятивно маркированную положительную оценку. Рассмотрим функции иронии, которые чаще всего реализуются в ситуациях манипулирования позитивом. Наиболее частотной функцией реактивной иронии в манипулятивном дискурсе позитива является функция гармонизации общения. В.И. Карасик общение, содержащее иронию, считает разновидностью несерьезного общения [1. С. 408]. Ироническую реакцию на положительнооценочное высказывание наблюдаем и в ситуациях делового общения, причем неформального значительно чаще, чем формального. Упомянутая функция иронических высказываний здесь может использоваться с целью разнообразить или украсить разговор, например (заклученный просит охранника об услуге):

– *Охоронцю, якщо я тебе попрошу відімкнути в цій клятій клітці ці кляті двері – то що буде?*

– *То буде виглядати, наче ти вважаєш, що я лише зовні мент, а всередині – сама добрість.*

– *А хіба ні? Я переконаний, що всередині ти романтик і поет. Ти – герой, котрому не забракло мужності грати роль циніка, хоча вона зовсім не узгоджується з твоєю внутрішньою роллю.*

– *Будемо вважати, що ключі від камери тримає в руках внутрішній чоловік, а не зовнішній (Б. Гуменюк) –*

– Охранник, если я тебя попрошу открыть в этой проклятой клетке эти проклятые двери, то что будет? (здесь и далее перевод наш. – И.Ш.)

– Это будет выглядеть, будто ты считаешь, что я только снаружи мент, а внутри – сама доброта.

– А разве нет? Я убежден, что внутри ты романтик и поэт. Ты – герой, которому хватило мужества играть роль циника, хотя она совсем не согласуется с твоей внутренней ролью.

– Будем считать, что ключи от камеры держит в руках внутренний человек, а не внешний (Б. Гуменюк). Так, в приведенном примере охранник понимает скрытые намерения заключенного – добиться снисходительности и возможных уступок, но его занимает разговор с зависимым от него собеседником, который проявляет изобретательность и чувство юмора.

Особенно ярко ирония проявляется в ситуациях межгендерной манипулятивно маркированной коммуникации. Прежде всего речь идет о ситуациях флирта, в которых функция гармонизации общения, которую выполняют иронические высказывания, представлена его интимизацией, подыгрыванием, передачей мнимого непонимания, принятием ухаживания и т.п., например (семинарист Балабуха хочет жениться на дочери священника Анисье):

– *Ви, Онисіє Степанівно <...> я <...> ви <...> [знов почав Балабуха], – як побачив я вас, то мені став світ милий!*

– *Хіба я така страшна, що вже й світ вам зав'язала! – [одрубала Онися сміливо].*

– *Ви жартуєте? Краса страшна, – це правда; але так, як були страшні для людей давні боги, як страшний бог, – [почав філософствувати Балабуха]. – Ваші чорні брови, неначе гострі стріли в Купідона, – кого вразять, той вже навіки ваш.*

– *У кого ж то були такі стріли? Ви, мабуть, говорите про своїх вчителів? – [обізвалась Онися] (І. Нечуй-Левицький) –*

– Вы, Анисья Степановна <...> я <...> вы <...> [опять начал Балабуха], – как увидел вас, то мне свет стал не мил!

– Разве я такая страшная, что вам уже и мир не мил! – [отрубала Анисья смело].

– Вы шутите? Красота страшная – это правда, но так, как были страшны для людей древние боги, как страшный бог... – [начал философствовать Балабуха]. – Ваши черные брови, словно острые стрелы Купидона, – кого поразят, тот навеки ваш.

– У кого ж это были такие стрелы? Вы, наверное, говорите о своих учителях? – [озвалась Анисья] (И. Нечуй-Левицкий). В этом диалоге Анисья, выра-

жая мнимое непонимание, провоцирует ухаживающего за ней семинариста на детализацию позитивной оценки и признание в любви.

Типичным для иронических высказываний в манипулятивном дискурсе позитива является сочетание функции гармонизации общения и функции положительного самопозиционирования. Таким образом, говорящий показывает себя как представителя элиты, начитанного и эрудированного человека, демонстрирует свое остроумие, сообразительность, чувство юмора и умение красиво говорить. В ситуациях манипулирования позитивом функция гармонизации общения и «украшения» беседы редко сочетается с функцией возвышения над собеседником, например (во время войны Сабантуй с ранеными ищет убежища у лесничих):

– Я, Христино Захарівно, скажу, як на сповіді: скільки на світі живу, а такої, як ви, ще не доводилось бачити. Отакої статурної <...> В мене, признатися, як на вас глянув, все аж обмерло <...>.

– Чи не тому так чіплявся за штахетини? (А. Димаров) –

– Я, Кристина Захаровна, скажу, как на исповеди: сколько на свете живу, а такой, как вы, еще не приходилось видеть. Такой статной <...> У меня, признаться, как на вас глянул, все аж обмерло <...>.

– Не потому ли так цеплялся за забор? (А. Димаров). В приведенном примере Кристина Захаровна, мужественная и самодостаточная женщина, не привыкшая к проявлениям сентиментальности, в форме шутки выражает пренебрежительное отношение к комплиментам Сабантуя, понимая что его восхищение не совсем искреннее, поскольку он нуждается в ее помощи, и его «цепляние» за забор было вызвано необходимостью конспирации.

Ирония как реакция на манипулятивно направленную похвалу возникает также в виде проявления недовольства формой, содержанием комплимента или поведением манипулятора. Близкой к этой функции являются критика и упрек в смягченной форме, например (проводник хочет угодить пассажирке):

– Мадамочко! Вам каву в ліжку чи в чашечку, як вашим сусідам?

– У чашечку, а потім у ліжку, будьте ласкаві! Не дасте й поспати, турботливий ви наш! (М. Иванцова) –

– Мадамочка! Вам кофе в постель или в чашку, как вашим соседям?

– В чашечку, а потом в постель, пожалуйста! Не дадите и поспать, заботливый вы наш! (М. Иванцова). Поведение проводника пассажирка находит слишком навязчивым: разбудившее ее предложение заказать кофе в шуточной форме вызвало ироническую реакцию в виде номинации «заботливый вы наш»;

(боярин уговаривает главаря отряда сотрудничать):

– А ти куди тікаєш?

– Теж до Польщі. Але я щиро кажу, що можу повести твоїх ребеліантів.

– Куди?

– Проти Дуки.

– Ти вже водив.

– Не зашкодить, коли ще раз поведу. З твоїми во-
яками виграю.

– Багато пір'я та хвали, а літати нічим (М. Івасюк) –

– А ты куда убегаешь?

– Тоже в Польшу. Но я искренне говорю, что могу повести твоих повстанцев.

– Куда?

– Против Дуки.

– Ты водил.

– Не помешает, если еще раз поведу. С твоими во-
янами выиграю.

– Много перьев и хвалбы, а летать нечем (М. Івасюк). В этом примере главарь отряда негативно реагирует не столько на похвалу своей команде, сколько на предложение боярина, который давно утратил доверие и авторитет своими поступками.

Объект иронических высказываний в ситуациях манипулирования позитивом – обычно манипулятор, но в ситуациях межгендерной и деловой коммуникации находим иронические реактивные высказывания похвалы в виде самоунижений – самоиронии, например (следователь хочет узнать у заключенного необходимую информацию):

– Читав вашу справу за вісімдесятий рік, – [у черговій спробі підібратися ближче, на відстань одного стрибка, слідчий вирішив зайти з іншого боку,] – і ніяк не надивуюсь, як ви відважились на таке, де у вас бралось тієї мужності, не побоюсь високого слова – нескореності?

– На яке? Для того, щоб побитися на танцях у клубі, багато мужності не треба. Тут головне, щоб була горілка і хлопці з сусіднього села. [– Олесь зробив вигляд, що клонув і непомітно для самого себе потрапив на гачок] (Б. Гуменюк) –

– Читал ваше дело за восьмидесятый год, – [в очередной попытке подобраться ближе, на расстояние одного прыжка, следовательно решил зайти с другой стороны,] – и никак не перестаю удивляться, как вы решились на такое, где у вас нашлось столько мужества, не побоюсь высокого слова – непокорности?

– На какое? Для того, чтобы подраться на танцах в клубе, много мужества не надо. Здесь главное, чтобы была водка и ребята из соседнего села. [– Олесь сделал вид, что клоннул и незаметно для себя попался на крючок] (Б. Гуменюк). Е.Н. Зарецкая умение смеяться и иронизировать над собой считает искусством, редким даром, свойственным только умным и сильным духом людям. По ее мнению, даже при условии дружеских отношений с собеседником сначала нужно поиронизировать над собой, а уже потом – обращаться с иронией к нему [16. С. 333].

В зафиксированных нами на материале художественной украинской литературы реакциях на манипулятивную тактику повышения значимости собеседника цель самоиронии в ситуациях нефлиртового общения и тех, что предусматривают флирт, различается. Так, в ситуациях деловой коммуникации самоирония вызвана преувеличенной оценкой объекта манипулирования и / или его нежеланием выполнять просьбы манипулятора, например (редактор уговаривает кузнеца стать корреспондентом):

– А як же я? Як же я наважився бути редактором? Не сількором, п і д к р е с л ю ю, а редактором,

людиною досить-таки відповідальною? Принаймні багато більш відповідальною, якою я вам пропоную зробитись?

– **Ще б когось зрівняли з собою!** – [заперечив старий коваль]. – *Та я ж такий собі простий робітник, можна сказати звичайнісінький!* (М. Хвильовий) –

– А как же я? Как же я решился быть редактором? Не селькором, п о д ч е р к и в а ю, а редактором, человеком довольно-таки ответственным? По крайней мере, намного более ответственным, каким я вам предлагаю стать?

– Еще бы кого сравнили с собой! – [возразил старый кузнец]. – Я ведь простой рабочий, можно сказать обыкновенный! (Н. Хвильевой). В приведенном примере кузнец не хочет заниматься журналистикой. Его реакция на предложение редактора, обрамленное непрямыми позитивнооценочными высказываниями, характеризуется эмоциональностью, подчеркивает дистанцию и непрямо маркирует отказ.

В ситуациях флирта самоирония маркирует ложную скромность, цель которой – добиться подтверждения лестных высказываний в свой адрес, вызвать заверения в искренности, т.е. получить новую волну комплиментарных высказываний, например (Варя, поссорившаяся с парнем, которого любит, решает ему на зло выйти замуж за неказистого Степана):

ВАРКА. Скажи краще, що ти неслівливий та й звертаєш на твар і ганиш її без міри! Он горбатий Маржан яку кралю висватав!? Хіба ти до нього прирівнявся? Ти парубок, як дуб, на все село – і глянуть любо.

СТЕПАН. Хіба ззаду.

ВАРКА. Вже коли дівчина тобі говорить, то повір! (І. Карпенко-Карий) –

ВАРКА. Скажи лучше, что ты робкий и обращаешь внимание на внешность и ругаешь ее без меры! Вон горбатый Маржан какую красавицу высватал!? Разве ты ему ровня? Ты парень, как дуб, на все село – и глянуть любо.

СТЕПАН. Разве сзади.

ВАРКА. Уж коль девушка тебе говорит, верь! (И. Карпенко-Карый). Из приведенного примера видно, что Степан удивлен поведением Вари и хочет удостовериться в искренности ее чувств.

Объект манипулирования может реагировать на положительнооценочный экспрессив самоиронией еще и для того, чтобы произвести положительное впечатление путем позиционирования себя как скромного человека. Заметим, что в украинской культуре приветствуется скромность: активное самовосхваление и чрезмерное акцентирование внимания на себе не типичны для украинцев, хвастливые люди осуждаются социумом, что проявляется в многочисленных пословицах и поговорках: *Не хвали себе – нехай тебе інші хвалять* (Не хвали себя – пусть тебя другие похвалят), *Хвастоці – не молотьба* (Хвальба – не молотьба), *Хвалиться, вихваляється, а від вітерочка валиться* (Хвастается, величается, а от ветерочка валится), *Хвалько – шкідливіше молі* (Хвастун – вреднее моли), *Хвалько правду скаже, йому ніхто не повірить* (Хвастун правду говорит, а ему никто не верит), *Багато пір'я та хвали, а літати*

нічим (Много перьев и хвальбы, а летать нечем), *Багато галасу даремно* (Много шума из ничего), *Хвали мене, язичку, будеш кашку їсти* (Хвали меня, язычок, будешь кашку кушать) и др.

Близкую к функции самоиронии в манипулятивном дискурсе выполняют иронические высказывания, которые служат способом смены темы разговора или переключения внимания собеседника с себя на других или другое. Таким образом объект манипуляции, проявляя скромность, пытается «нейтрализовать» незаслуженную или преувеличенную похвалу, например (гость хочет угодить хозяину – своему бизнес-партнеру):

– **Шаманство! А який ритм!** – [узявши до рук малюнок, відреагував гість]. – *Аж у голові паморочиться! І як це тобі вдалося?*

– **То тобі від віскі паморочиться!** – [відповів господар до дому і запросив вийти на терасу, посидіти на свіжому повітрі та покурити сигари] (М. Іванцова) –

– Шаманство! А какой ритм! – [взяв в руки рисунок, отреагировал гость]. – Даже голова кружится! И как это тебе удалось?

– Это у тебя от виски голова кружится! – [ответил хозяин дома и пригласил выйти на террасу, посидеть на свежем воздухе и покурить сигары] (М. Иванцова). В приведенном примере гость слишком эмоционально высказался о рисунке, что смутило хозяина и подтолкнуло к использованию иронии в виде шутки для смещения фокуса внимания собеседника.

Ироническую форму реагирования объект манипулятивного воздействия использует и для маркирования несогласия с мнением собеседника, косвенного выражения недоверия или удивления, например (Голохвостый ухаживает за Галей, но собирается жениться на другой девушке):

ГОЛОХВОСТЫЙ. Да коли улюбљон, да так улюбљон, що хоч візьмїть в руки пістолета і прострелїть тут груди мою!

ГАЛЯ. Так і повірили! Шукайте собі панночок! (М. Старицький) –

ГОЛОХВОСТЫЙ. Да когда влюблен, так влюблен, что хоть возьмите в руки пистолет и прострелите здесь грудь мою!

ГАЛЯ. Так и поверили! Ищите себе барышень! (М. Старицкий). Галя, узнавшая о том, что Голохвостый ходит к ее богатой родственнице, не принимает его признаний в любви и с иронией реагирует на них.

В языковедении распространено мнение о том, что умышленное употребление косвенных высказываний, в частности иронических, свидетельствует о несоблюдении постулатов коммуникативного кодекса и принципа Кооперации [17. С. 130]. Заметим, что иронические реактивные высказывания в манипулятивном дискурсе используются не только для непрямого выражения негативных эмоций, но и для завуалированного проявления одобрения и благосклонного отношения к собеседнику, например (оруженосец Богдана Хмельницкого приглашает в гости казацкого старшину):

– *На малагу, кажеш? Невже ж у пана Хмеля немає з ким вицідити цей божественний напій?*

– *Пан Хмель просту оковиту п'є з простими смертними, вельмишановний пане гетьмане,* – [низь-

ко вклонився джура.] – А заморську малагу може споживати тільки з найближчими приятелями.

– Ха-ха-ха, – [широко засміявся Барабаш.] – **Бачу, ти не даремно в джурах ходиш, коли так умієш говорити** (В. Кулаковський) –

– На малагу, говориш? Неужели пану Хмелю не с кем выпить этот божественный напиток?

– Пан Хмель простую водку пьет с простыми смертными, уважаемый пан гетман, – [низко поклонился оруженосец.] – А заморскую малагу может употреблять только с самыми близкими друзьями.

– Ха-ха-ха, – [искренне засмеялся Барабаш.] – Виджу, ты не даром в оруженосцах ходишь, раз умеешь так говорить (В. Кулаковский). В этом диалоге казачий старшина, удивленный сообразительностью юного оруженосца, хвалит его, используя нетипичную для похвалы форму иронического высказывания.

К описываемым функциям реактивных иронических высказываний близка функция запроса информации, особенно касательно отношения манипулятора к собеседнику (в основном противоположного пола). В межгендерном общении, в частности в ситуациях флирта, ироническое высказывание служит и передаче намека на невзаимность. Такая форма дает возможность говорящему тактично выйти из неловкой ситуации отказа и сообщить о своем отношении к лицу противоположного пола так, чтобы сохранить его достоинство, не вызвать обиды и избежать коммуникативной неудачи, например (посетитель трактира хочет гармонизировать отношения с хозяйкой):

ГОРПИНА. Спасибі. Не минайте ж нашої хати <...>

СТЕПАН. Та я щодня б завертав, якби ласка (підморгує і чуха потилицю) Га?

ГОРПИНА. **Якої ж вам ще ласки?** (М. Старицкий) –

ГОРПИНА. Спасибо. Не проходите мимо нашего дома <...>

СТЕПАН. А я каждый день бы заходил, если бы была ваша ласка (подмигивает и чешет затылок) А?

ГОРПИНА. Какой же вам еще ласки? (М. Старицкий).

Так, из приведенного примера видно, что хозяйка трактира заинтересована в постоянных клиентах. Но когда ее собеседник хочет сократить дистанцию общения – интимизировать отношения, она на его намек отвечает иронией в виде вопроса, который на самом деле передает не непонимание, а отрицательный ответ.

Небольшое количество в исследуемом материале составляют примеры, в которых реактивная ирония служит выявлению намерений манипулятора, например (девушка уговаривает комсорга не задействовать ее в мероприятии):

– А люди? Що я людям скажу? Лекцію прочитаю з історії КПРС?

– Не заривайся, Баєва!

– Ігор, лапочка, ну ти ж можеш, коли хочеш!

– **Шантаж?** (Н. Хаткина) –

– А люди? Что я людям скажу? Лекцию прочитаю по истории КПСС?

– Не зарывайся, Баева!

– Игорь, лапочка, ну ты же можешь, если хочешь!

– Шантаж? (Н. Хаткина). Такая реакция Игоря свидетельствует о том, что он понимает манипулятивные намерения собеседницы и хочет, чтобы она об этом знала.

Заметим, что понятие «выявление намерений манипулятора» и «выявление манипулятивной тактики, используемой говорящим» требуют разграничения: намерения и тактика не всегда совпадают – тактика часто является вспомогательным оружием манипулятора в достижении его целей. И в формальном, и в неформальном общении разоблачение коммуникативной тактики в основном не вызывает негативных реакций (человеку нравятся лестные высказывания в свой адрес, даже если он знает о их неискренности и безосновательности). Но разоблачение намерений манипулятора, которые противоречат желаниям коммуникативного партнера или морально-этическим нормам, принятым в обществе, могут вызвать бурные негативные реакции объекта манипуляции, в том числе и в виде иронических высказываний.

Частотность репрезентации выделенных функций иронических реактивных высказываний изображена на рис. 1.

М.А. Слепцова говорит о связи функции иронии в каждом конкретном случае с экстралингвистическими факторами, в частности с отношениями между говорящим и адресатом. По мнению исследовательницы, «реализация иронией разных, в некоторых случаях противоположных функций, подтверждает тот факт, что ирония является высказыванием, неразрывно связанным с речевой ситуацией» [18. С. 14].

Причины иронического реагирования адресата положительной оценки в ситуациях осуществления манипулятивного воздействия отличаются разнообразием. Чаще всего они, как и другие негативные вербальные реакции на манипуляцию позитивом [19. С. 115], обусловлены преувеличенной положительной оценкой, неудачно выбранным предметом оценки, предыдущими конфликтами с коммуникативным партнером, личной неприязнью, разоблачением намерений манипулятора, а также неприемлемостью для объекта манипуляции действий, к которым его побуждает манипулятор. В ситуациях флирта причины иронического реагирования в основном вызваны желанием объекта манипулирования проверить подлинность чувств манипулятора или стремлением тактично отказать собеседнику.

Таким образом, ирония не всегда является средством выражения недовольства, раздражения, сожаления и обиды. Объект манипулирования иронично реагирует на манипулятивно направленный положительно-оценочный экспрессив для: а) гармонизации общения, в частности его неформализации, интимизации и обогащения; б) запроса информации, побуждения партнера к выявлению истинных чувств, заверений в искренности, оправданий, извинений, объяснений поведения, несоответствующего ожиданиям адресата; в) положительного самопозиционирования и привлечения внимания к себе; г) непрямого сообщения о своих чувствах, легкого выхода из неудобной ситуации отказа или невзаимности, перевода разговора в другое русло; д) разоблачения манипулятивных намерений собеседника и демонстрации понимания его интенций.

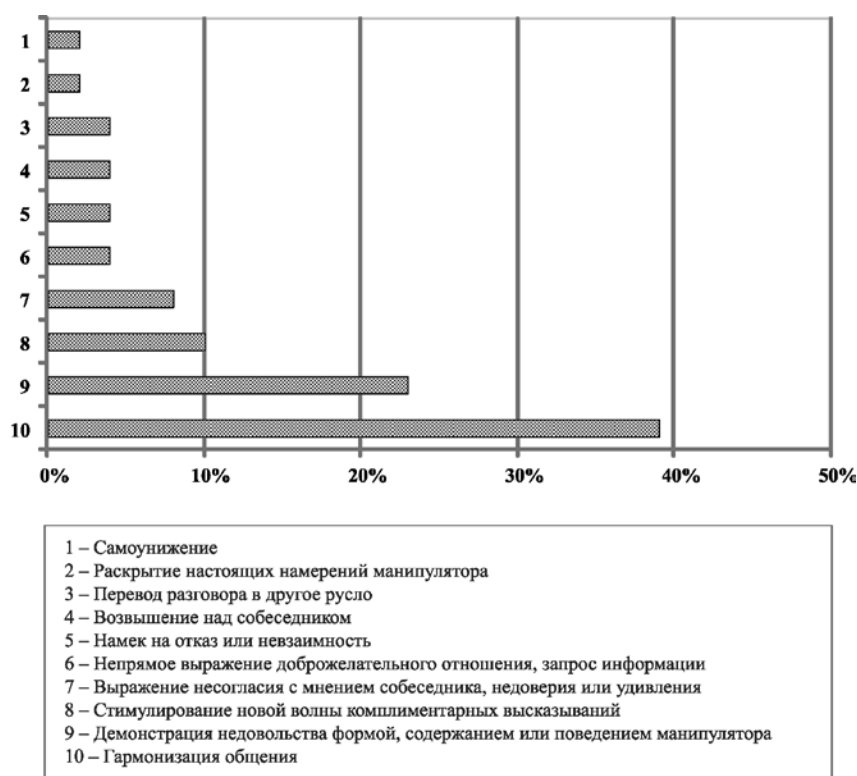

Рис. 1. Частотность реализации функций иронии в реакциях на манипулятивную тактику повышения значимости собеседника

В ситуациях манипуляции позитивом наблюдается полифункциональность иронических реактивных высказываний. Функции иронического высказывания часто обусловлены типом отношений между комму-

никантами и ситуацией общения. Вербальная реакция на иронию в других ситуациях манипулятивного воздействия требует дальнейшего всестороннего научно-го изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
2. Лазарева М.Е. Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 198 с.
3. Шилихина К.М. Метафора и ирония // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 39–42.
4. Utsumi A. Verbal irony as implicit display of ironic environment : Distinguishing ironic utterance from nonirony / A. Utsumi // Journal of pragmatics. 2000. Vol. 32. P. 1778.
5. Шумкова Т.Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX века в свете традиций немецкого романтизма. 3-е изд. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 370 с.
6. Partington A. Phrasal irony : Its form, function and exploitation // Journal of pragmatics. 2011. Vol. 43. P. 1786–1888.
7. Петрова О.Г. Ирония и разные типы комического в художественном тексте // Вестник наука и практика. URL: <http://конференция.com.ua/pages/view/349>
8. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев : Наукова думка, 1989. 218 с.
9. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : Изд-во КГПУ, 2005. 202 с.
10. Лимарева Т.Ф. Прагматический аспект иронии // Современные проблемы школьной и вузовской педагогики. Москва ; Краснодар, 1998. С. 212–219.
11. Гомлешко Б.А. Ирония как намеренная передача неискренности // Актуальные проблемы языкового образования : материалы междунар. науч.-практ. конф. Майкоп, 2007. С. 35–38.
12. Гомлешко Б.А. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. Майкоп : АГУ, 2008. № 3. С. 11–13.
13. Охримович К.В. Ирония и принцип вежливости в английском диалоге : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.
14. Гнездилова Л.Б. Ирония и намек как способы уклонения коммуниканта от прямого ответа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 86–89.
15. Шкіцька І.Ю. Маніпулятивні тактики позитиву : лінгвістичний аспект / ред. проф. В.М. Бріцина. Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. 440 с. : іл.
16. Зарецкая Е.Н. Риторика : Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. М. : Дело, 2002. 480 с.
17. Бацевич Ф. Основи комунікативної лінгвістики : підручник. Київ : Академвидав, 2004. 344 с.
18. Слепцова М.А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 18 с.
19. Шкіцька І.Ю. Вербальна репрезентація негативних реакцій на маніпулятивну тактику підвищення значимості співрозмовника // Мова і культура : [наук. вид.]. Київ : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2017. Вип. 19. Т. IV (184). С. 110–118.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2018 г.

The Phenomenon of Verbal Irony and Its Functions in the Discourse of Manipulation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 45–52.

DOI: 10.17223/15617793/440/6

Iryna Yu. Shkitska, Ternopil National Economic University (Ternopil, Ukraine). E-mail: i.shkitska@gmail.com

Keywords: verbal irony; discourse of manipulation; manipulative tactics of increasing value of interlocutor; functions of verbal irony; reactive ironic utterance; manipulative positively evaluative expressive.

The article summarizes the scientific views toward verbal irony, identifies its main characteristic features. Ironical meaning, implicitness, contrast, versatility, multidimensionality, and laconic form are considered as typical signs of verbal irony. Irony is shown to be a linguistic phenomenon with a great pragmatic potential. The author groups major functions of verbal irony, as distinguished by linguists including hidden expression of negative attitude towards a communicative partner or to episodes of social realm in the form of mockery, disregard, hostility; persuasion and correction of an interlocutor's behavior, motivating his/her actions; disguising insincerity, descriptive and qualificative functions, ascension above an interlocutor, expression of emotional attitude towards him/her, demonstration of the actual state of affairs, optimization of interpersonal relations, in particular, observance of the principle of politeness, evasion of a direct answer. Considering verbal irony as one of the ways of responding to a manipulatively directed positive evaluation, the author determines the place of verbal irony and its functions in manipulative discourse, focuses on studying its manifestations in an intergender manipulatively directed communication. Basic functions of ironic utterances in manipulative positive discourse were found to comprise harmonization of communication, demonstration of dissatisfaction with the form or the content of a compliment or with manipulator's behavior in general, stimulating a new wave of compliments, expression of disagreement with an interlocutor's opinion, mistrust or surprise, indirect demonstration of approval or friendly attitude, a request for information, a hint at refusal or lack of feelings in return, ascension over an interlocutor, bringing the discussion around to a different point, identification of true manipulator's intentions, and self-abasement. It has been found that the functions of self-irony in the discourse of positive manipulation correlate with the type of a communicative situation. The concept of "revealing manipulator's intention" is contrasted to the concept of "revealing speaker's manipulative tactics". The author concludes on polyfunctionality of ironic reactive utterances, while defining the combination of such ironic utterances' functions as harmonizing communication and positive self-positioning to be the most typical in the type of discourse under study. The article studies the frequency of ironic utterances' functions in the discourse of positive manipulations, in particular, with the manipulative tactics of increasing the value of an interlocutor. Ironic utterances are shown to be caused by extra-linguistic factors, such as relations between communicants, semantics of a positively evaluative manipulative expressive, and adequacy of evaluation, as well as manipulator's intentions and ability of an object of manipulation to uncover them.

REFERENCES

1. Karasik, V.I. (2007) *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Volgograd: Paradigma.
2. Lazareva, M.E. (2005) *Yazykovye sredstva vyrazheniya ironii na materiale norvezhskikh publitsisticheskikh tekstov* [Language means of expressing irony on the material of Norwegian journalistic texts]. Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Shilikhina, K.M. (2009) Metaphor and Irony. *Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2. pp. 39–42. (In Russian).
4. Utsumi, A. (2000) Verbal irony as implicit display of ironic environment: Distinguishing ironic utterance from nonirony. *Journal of Pragmatics*. 32. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00116-2
5. Shumkova, T.L. (2009) *Ironiya v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka v svete traditsiy nemetskogo romantizma* [Irony in Russian literature of the first half of the 19th century in the light of the traditions of German romanticism]. 3rd ed. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Humanitarian University.
6. Partington, A. (2011) Phrasal irony: Its form, function and exploitation. *Journal of Pragmatics*. 43. pp. 1786–1888. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.11.001
7. Petrova, O.G. (n.d.) *Ironiya i raznye tipy komicheskogo v khudozhestvennom tekste* [Irony and different types of comic in a literary text]. *Vestnik nauka i praktika*. [Online] Available from: <http://xn--e1aajfpcds8ay4h.com.ua/pages/view/349>.
8. Pokhodnya, S.I. (1989) *Yazykovye vidy i sredstva realizatsii ironii* [Language types and means of irony expression]. Kiev: Naukova dumka.
9. Ermakova, O.P. (2005) *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of the language]. Kaluga: Kaluga State Pedagogical University.
10. Limareva, T.F. (1998) Pragmaticheskiy aspekt ironii [Pragmatic aspect of irony]. In: Gurin, V.E. (ed.) *Sovremennyye problemy shkol'noy i vuzovskoy pedagogiki* [Modern problems of school and university pedagogy]. Moscow; Krasnodar: Akademiya ped- i sotsnauk; Krasnodarskoe kraevoe otделение PO RF.
11. Gomleshko, B.A. (2007) [Irony as an intentional expression of insincerity]. *Aktual'nye problemy yazykovogo obrazovaniya* [Topical Issues of language education]. Proceedings of the International Conference. Maykop: Adyghe State University. pp. 35–38. (In Russian).
12. Gomleshko, B.A. (2008) Pragmaticheskie funktsii ironii v tekste [Pragmatic functions of irony in the text]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Adyghe State University, Literature and Art Criticism*. 3. pp. 11–13.
13. Okhrimovich, K.V. (2004) *Ironiya i printsip veshlivosti v angliyskom dialoge* [Irony and the principle of politeness in the English dialogue]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
14. Gnezdilova, L.B. (2014) Irony and hint as means of a communicant's evading a direct answer. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1 (26). pp. 86–89. (In Russian).
15. Shkitska, I.Yu. (2012) *Manipulyativni taktiki pozitivu: lingvistichniy aspekt* [Manipulative positive tactics: linguistic aspect]. Kiev: Vidavnichiy dim Dmitra Burago.
16. Zaretskaya, E.N. (2002) *Ritorika: Teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: Theory and practice of speech communication]. 4th ed. Moscow: Delo.
17. Batsevich, F. (2004) *Osnovi komunikativnoy lingvistiki* [Foundations of communicative linguistics]. Kiev: Akademvidav.
18. Sleptsova, M.A. (2008) *Ironiya kak kosvennyy rechevoy akt otritsatel'noy otsenki* [Irony as an indirect speech act of negative evaluation]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
19. Shkitska, I.Yu. (2017) *Verbal'na reprezentatsiya negativnykh reaktsiy na manipulyativnu taktiku pidvishchennya znachimosti spivrozmovnika* [Verbal representation of negative reactions to manipulative tactics of increasing the interlocutor's importance]. *Mova i kul'tura*. 19:IV (184). pp. 110–118.

Received: 20 November 2018